

КАТЕГОРИЯ ВЕЧНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. КУШНЕРА

Ю. В. ПОДДУБКО. КАТЕГОРИЯ ВІЧНОСТІ В ПОЕТИЧНІЙ СВІДОМОСТІ О. КУШНЕРА

Стаття присвячена дослідженню особливостей функціонування категорії вічності в поетичному універсумі О. Кушнера. Показано, що вічність сприймається поетом як культурний оператор, організатор накопиченого часу. Вона має властивість співположення різночасових явищ культурного життя – не тільки тих, що відійшли в минуле, але й сьогоденних. Об'єднуючою ланкою епох слугує духовна єдність. Таким чином в контексті художньої системи О. Кушнера вічність постає як метакультурний топос, в якому зберігаються зразки духовної діяльності людства.

Функцію провідника в простір вічності в художньому світі Кушнера часто виконує сон. Сонорна дійсність мислиться поетом як частина нескінченного ініосвіту. Простір сну стає місцем комунікації з діячами культури минулих часів.

Вічність розкриває можливості буття, яке характеризується циклічністю. Початок життя пов'язаний з образом безодні, в трактуванні якого О. Кушнер спирається на російську філософську традицію Ф.І. Тютчева і А.А. Фета. Показником гідно прожитих років є, на думку Кушнера, діяльність душі. Смерть виступає перехідним етапом на шляху до безсмертя. Категорії вічності та безсмертя тотожні й невіддільні від розуміння категорії часу. В поетичній спадщині Кушнера категорія вічності, виконуючи сюжетотвірну і характерологічну функції, є однією з домінуючих у розумінні картини світу поета.

Ключові слова: категорія вічності, поетичний універсум, культурний простір, духовна єдність, природа часу

*Ю. В. ПОДДУБКО. КАТЕГОРИЯ ВЕЧНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
А. КУШНЕРА*

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования категории вечности в поэтическом универсуме А. Кушнера. Показано, что вечность воспринимается поэтом как некий культурный оператор, организатор накопленного времени. Она обладает свойством соположения разновременных явлений культурной жизни – не только ушедших в прошлое, но и сегодняшних. Объединяющим звеном эпох служит духовное единство. Тем самым в контексте художественной системы А. Кушнера вечность предстает в качестве метакультурного топоса, в котором сохраняются образцы духовной деятельности человечества.

Функцию проводника в пространство вечности в художественном мире Кушнера часто выполняет сон. Сонорная действительность мыслится поэтом как своего рода преддверие бесконечного иномирия или его часть. Пространство сна становится местом коммуникации с ушедшими деятелями культуры.

Вечность раскрывает возможности бытия, которое характеризуется цикличностью. Начало жизни сопряжено с образом бездны, в трактовке которого А. Кушнер опирается на русскую философскую традицию Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Показателем достойно прожитых лет является, по мысли Кушнера, деятельность души. Смерть выступает переходным этапом на пути к бессмертию. Категории вечности и бессмертия тождественны и неотделимы от понимания категории времени. В поэтическом наследии Кушнера категория вечности, выполняя сюжетобразующую и характерологическую функции, является одной из доминирующих в понимании картины мира поэта.

Ключевые слова: категория вечности, поэтический универсум, культурное пространство, духовное единство, природа времени

IU. V. PODDUBKO. CATEGORY OF ETERNITY IN A. KUSHNER'S POETICAL CONSCIOUSNESS

This article is devoted to the research of features of eternity category functioning in A. Kushner's poetical universe. It is shown that A. Kushner perceives eternity as a certain cumulative time operator or

organizer. It possesses the property of juxtaposition of alternative phenomenon of cultural life – not only past but today's as well. The spiritual unity is the link for these epochs. Therefore in the context of A. Kushner's artistic system the eternity appears as a metacultural topos where patterns of human mental activity remain the same.

A dream often performs the role of a conductor into a space eternity in A. Kushner's artistic world. The resonant reality is thought to be a kind of threshold of infinite parallel space or its part. The dream territory becomes a place of communication with cultural figures of past times.

The eternity opens being capabilities characterized with cyclicity. The beginning of life is connected with abyss image, which interpretation relies on the Russian philosophical tradition of F.I. Tutchev and A.A. Fet. The index of a worthy life to Kushner's opinion is work of soul. The death is a turn-over phase to immortality. Categories of eternity and immortality are identical and inseparable with time category comprehension. In poetical Kushner's heritage category of eternity functions as a plot and character maker and is one of the dominant in understanding poet's worldview.

Key words: category of eternity, poetical universe, cultural space, spiritual unity, nature of time.

В художественной литературе онтологическая категория вечности независимо от авторских интенций неизбежно обретает философский смысл. Вечность понимается по-разному, но во всех философских системах в это понятие вкладывается представление о некоей нескончаемой длительности, о безначальности и бесконечности сущего. Однако представления о вечности так или иначе всегда соотносятся с пониманием природы времени. Разные модели вечности чаще всего восходят к восприятию этого понятия как безвременья, некоего умозрительного топоса, в котором происходит «резервация времени». В этом случае сама вечность мыслится как вместилище своего рода «времени Собранного», т.е. место объединения и, условно говоря, хранения всех дискретных в земном мире отрезков длительности (прошлого, настоящего, будущего). Подробная характеристика философских и культурологических представлений о вечности дана в монографии А.Н. Смолиной [9].

В литературе понятие вечности может приобретать метафорический смысл. По мысли Ю. Казарина, «поэзия – это вечность, причем вечность, дарующая поэтам и со-поэтам (читателям) бессмертие» [2]. В статье «Часть вечности: о поэзии Александра Кушнера» ученый точно подмечает, что «человек проживает часть времени, поэт – часть вечности» [2]. Мы придерживаемся этой же позиции, поскольку творчество А. Кушнера доказывает, что в культурном ареале временных границ между прошлым и будущим не существует.

Целью данной статьи является исследование особенностей функционирования категории вечности в поэтическом универсуме А. Кушнера.

А. Кушнер выстраивает свое понимание вечности как сосуществование разных времен. Вечность воспринимается поэтом как некий культурный оператор, организатор накопленного времени. Основу миропонимания

А. Кушнера составляет ощущение духовного единства с предыдущими и, возможно, последующими поколениями. В рамках культурно-исторической концепции поэта вечность может быть определена как некий метакультурный топос, в котором сохраняются образцы духовной деятельности человечества. При этом вечность обретает свойство соположения разновременных явлений культурной жизни – не только ушедших в прошлое, но и сегодняшних. Всё истинно ценное, что выработало человечество за все периоды своего развития, обретает бессмертие.

В одном из стихотворений А. Кушнер высказывает предположение: «Что, если вечность – расширение / Всех мимолетностей земных?» [5, с. 66]. Для поэта вечность открывает новые возможности бытия. Уход из жизни для лирического героя Кушнера мыслится переходным звеном. Духовное начало, по мысли поэта, продолжает существовать и после физического умирания тела. Поэтому в стихотворении конца 60-х годов «То, что мы зовем душой...» поэт утверждал, что жить нужно достойно, ведь показателем прожитых лет является состояние души: «То, что мы должны вернуть, / Умирая, в лучшем виде, – Это, верно, то и есть, / Для чего не жаль стараться, / Что и делает нам честь, / Если честно разобраться» [5, с. 27].

Духовное бессмертие представляет собой уникальную возможность общения с дорогими сердцу поэтами, покинувшими этот мир. Так, в 90-х годах в одном из стихотворений Кушнера предлагается записать телефонный номер Блока, встреча с которым возможна в вечности: «Зря не будем беспокоить. / Так сказать, на черный день» [5, с. 148]. По мысли поэта, всё прекрасное не исчезает бесследно, а продолжает существовать в обители духовного совершенства. Поэтому и не удивляет высказанная надежда на возможную встречу с Блоком в неких иных пространствах и временах, где в случае необходимости всегда можно бу-

дет обратиться за поддержкой к любимому поэту.

Великие люди оставляют после себя бесценные литературные сокровища, и их уход кажется невосполнимой утратой для всего человечества. Но А. Кушнер убежден, что люди и культура остаются в вечности, поэтому в его поэтическом универсуме оказывается возможной встреча с поэтами разных литературных направлений и временных отрезков жизни – П.А. Вяземским, А.А. Фетом, А.А. Блоком, М.А. Кузминым, Б.Л. Пастернаком, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштамом, как это мы видим, например, в стихотворении «Мандельштам придет с шубой» [5, с. 185]. Обращение к поэтам-предшественникам как создателям творений, не подверженных разрушению временем, вполне закономерно для А. Кушнера. Б.Ф. Егоров справедливо отмечал, что «только приобщение к вечным, непреходящим ценностям, выработанным человечеством за долгие столетия, и собственноручное создание для людей новых непреходящих ценностей соединяют личное время с вечностью, дают личности духовное бессмертие» [1, с. 161].

В художественном мире Кушнера общение с любимыми поэтами возможно даже во сне («Мне приснилось, что все мы сидим за столом...» [5, с. 156]). При этом сон выступает в качестве проводника в пространство вечности. Сонорная действительность становится или преддверием бесконечного иномирия, или частью его. Во всяком случае именно сон соединяет времена, становится своего рода средой для коммуникации с давно ушедшими деятелями культуры. Так, в стихотворении «Сон» лирический герой, наш современник, наделяется способностью сопереживать героям античного мира. В его сознании проходят картины троянской битвы. Телефонный звонок возвращает его к реальности, но вместе с тем и становится оператором связи с вечностью, поскольку несет странную для XX века информацию: «Патрокл сражен!» [5, с. 103]. Казалось бы, какую роль может играть для современного человека такое сообщение? Но в поэтическом мире А. Кушнера это известие меняет всё: «И накрепился мир, и вдруг щека намокла, / И что-то рухнуло внутри» [5, с. 103].

В то же время маленькие радости жизни, как, например, дуновение свежего воздуха, ассоциируются у поэта со святостью и возможностью приобщения к вечности: «...и воздух заходил, / Как Петр, наверное, по комнате и Павел» [5, с. 161]. «Вздыхаемая занавеска» выступает пропускным звеном на пути к вневременному существованию, когда поэта вдруг охватывает радостная нега. Счастливый лири-

ческий герой погружается в сонорную действительность, которая предстает перед ним в образе неземного сада: «И спал, и счастлив был, как бы в саду ином, / С невнятным, вкрадчивым и неземным названьем» [5, с. 161].

Окружающий мир приводит поэта к размышлениям о цикличности бытия. Дети, как продолжатели человеческого рода, беззаботные и счастливые, представляют для лирического героя картину «рая на земле». Наблюдатель веселья, поэт осознает свою отдаленность от этого детского праздника жизни: «Достаются мне жалкие крошки / Со стола их, как счастье во сне» [4, с. 45]. Но именно эта будничная сцена прогулки детей с собакой вызывает у лирического героя осознание человеческого бессмертия:

Это вечность и есть, и бессмертье,
И любовь – и границы ее
Обозначили длинные жерди
И канава, как в твердом конверте
Приглашение на пир, в забытьё
[4, с. 45].

Расцвет природы для лирического героя кушнеровской поэзии также является одним из подтверждений бессмертия. Поэт считает цветение волшебством и очищением: «Это чудо, что все расцвели, / Все воспрянули разом, воскресли, / Отогрелись и встали с земли, / Улыбнулись друг другу все вместе» [5, с. 194]. В едином порыве природы к перерождению понятие смерти исключается. Отрицание самой категории смерти подтверждается евангельской аллюзией: «Смерть была, но, как видишь, прошла. / Видишь: Лазаря нету в могиле» [5, с. 195]. Таким образом, подчеркивается отмеченная поэтом причастность Бога к весеннему расцветанию. Доказательством неоспоримой вечности бытия, по наблюдению Кушнера, может служить одуванчик, который ежегодно перерождается: «Если б ты каждый год умирал, / Ты бы тоже в бессмертие верил» [5, с. 195].

В представлении поэта для мирового универсума характерна неразрывность временного потока, сочетающего внебытийную действительность и земное существование людей. В стихотворении «Казалось бы, две тьмы...» Кушнер пытается осмыслить мировой универсум в его целостности, включая и внеземную тьму, и земное бытие:

Казалось бы, две тьмы,
В начале и в конце,
Стоят, чтоб жили мы
С теньями на лице.
Но не сравним густой
Мрак, свойственный гробам,
С той дружелюбной тьмой,
Предшествовавшей нам [5, с. 38].

Такое понимание некоей вселенской субстанции близко к набоковскому толкованию вечности. Автобиографическая книга В. Набокова «Другие берега» открывается размышлением о бездне, с двух сторон облекающей человеческую жизнь: «Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час» [8, с. 145].

А. Кушнер по-своему развивает ту же мысль: «Ребенок ближе всех к небытию». Младенец находится «с края бытия», «его еще облизывает тьма», и он всё еще «вечный свой досматривает сон» [5, с. 81]. В другом стихотворении поэт радуется возможности общения с любимой женщиной, которому предшествовал «дожизненный опыт, пока нас держали во тьме» [5, с. 120].

О потустороннем бытии поэт размышляет в стихотворении «Слепые силы так сложились». Он полагает, что разглядеть «вечный мрак» обычному человеку не дано. Но особый дар ясновидения, которым наделены гении, открывает возможность узреть «вихревертенье / И блеск в крошечных небесах!». Случается, что глазам человека открывается недоступное, но вероятность такого внеземного зрения ничтожно мала: «Какой невероятный случай, / На триллионы проб – один!». Такой попыткой проникновения в тайны мироздания, по мысли Кушнера, является «и Леонардо взгляд колючий, / И мощь рембрандтовских картин» [5, с. 228]. Проблеск мысли, словно свет, помогает через незнание-мрак постигнуть суть вечности, проникнуть в тайны мироздания.

Образ вселенской бездны в лирике А. Кушнера опирается на долгую и плодотворную традицию русской философской поэзии. Своеобразным диалогизмом характеризуется стихотворение Кушнера «Стог» [5, с. 36–37]. Ему предпослан эпиграф из фетовского стихотворения «На стог сена ночью южной». А. Фет воспроизводит необыкновенное ощущение полета в бездну ночного неба. Этот же мотив развивается и в кушнеровском произведении. Но Кушнер прозаизирует ситуацию, описывая то неудобство, которое испытывает человек, пытающийся улечься на колючем стогу сена. Вокруг бушует простая земная жизнь: стог сена «горько пахнул и дышал, / Весь колыбался и дымился», мелкие насекомые норовили заползти в рукава одежды, запотевали очки. На этом

фоне философские размышления казались бы неуместными. Однако лирический герой кушнеровского стихотворения испытывает то же чувство прикосновения к непознанному, вечному, что и его предшественник, только понимает его совершенно иначе. Герой Фета ощущает, «будто в длани мощной / Над этой бездной я повис» [12, с. 250]. Была ли эта длань мощным земным притяжением или божественной десницей, остается непроясненным. Но в пользу последнего свидетельствует библейская реминисценция: «И я, как первый житель рая, / Один в лицо увидел ночь» [12, с. 250]. Такое ощущение вызывает в душе героя Фета «замыранье и смятенье» перед лицом неизмеримой глубины божественного мироздания.

Кушнер передает противоположное понимание события. Описывая свою ночевку в стогу сена, он восклицает: «Я гладил пыль, ласкал труху, / Я порывался в жизнь иную, / Но Бога не было вверху, / Чтоб оправдать тщету земную» [5, с. 37]. Стремление познать тайну космического универсума упирается в сомнения лирического героя в существовании некоего божественного промысла. В свою очередь само такое сомнение поселяет в сознании героя «голый ужас», лишающий сил и движения. Ведь если нет оправдания земному несовершенству, то и жизнь лишается смысла. Фетовский лирический герой жил в мире, где «... хор светил, живой и дружный, / Кругом раскинувшись, дрожал», и пытался понять: «Я ль нёсся к бездне полуночной, / Иль сонмы звезд ко мне неслись?» [12, с. 250]. У Кушнера же «ополоумев, облака / Летели, серые от страха» [5, с. 37], и его лирический герой «падал в пропасть без надежд, / Без звезд и тайных утешений» [5, с. 37]. Космическая бездна чужда ему, привязанному к каждому проявлению простой земной жизни.

В осмыслении вечности А. Кушнер опирается и на традиции лирики Ф.И. Тютчева. Представление о бесконечном мироздании как непостижимой бездне характерно для поэта XIX века, наиболее ярким доказательством чего служат знаменитые тютчевские строки: «Небесный свод, горящий славой звездной / Таинственно глядит из глубины, – / И мы плывем, пылающею бездной / Со всех сторон окружены» [11, с. 40]. Обстоятельный анализ образа бездны в творчестве Тютчева находим в статье И.Н. Сухих «Ф. Тютчев “От жизни той, что бушевала здесь...”» [10, с. 187–198]. Литературовед обращает внимание на то, что «образ “бездны” – один из сквозных в лирике Тютчева. Однако он не стабилен, в разных стихах и контекстах обнаруживает разные грани <...> это и бесконечность пространства и времени, и пер-

воначало, и итог бытия, и смерть, небытие» [10, с.195].

Наследие Тютчева занимает большое место в художественном сознании Александра Кушнера. В статье «Тютчев (В новом ракурсе)» он высоко оценил талант русского поэта: «есть стихи, рожденные поэтической мыслью, – и вот в этой прочувствованной мысли Тютчеву нет равных в нашей поэзии» [5, с. 521]. Однако тютчевский космизм в поэтическом универсуме Кушнера обретает несколько иное толкование. Размышляя о смерти и бессмертии, освобождении души от оков земного бытия, А. Кушнер стремится передать это неземное ощущение выхода «на волю»: «И звездные тебя обхватят нити, / Космический обнимет холодок» [6, с. 6]. В ранний период творчества поэт задавался вопросом, «что делать с вечностью, как справиться с бессмертием?» [3, с. 10], и не склонен был «болтать о вечности, Вселенной строить глазки» [5, с. 207]. Тональность его поздней лирики определяется иным миропониманием. Для нее характерны философские размышления о мироздании, вечности, бессмертии души. Кушнер солидаризируется с ощущением космической бесконечности, свойственным мышлению Ломоносова и Тютчева. «Федор прав, и точен Михаил!», – восклицает он в одном из стихотворений. Теперь уже его лирический герой «сделал шаг – и блеск увидел звездный, / И укол почувствовал, толчок» [6, с. 117]. Но и такое расширение пространственных границ всё же не меняет художественную оптику поэта. Его взгляд всегда возвращается к деталям земного бытия. Одно из самых философски насыщенных стихотворений Кушнера строится на оппозициях вечности исиюминутности, бессмертия и смерти. При этом приоритет отдается одушевленности земного мира:

Душа – элизиум теней
и хочет быть звездой.
Но звезды знают ли о ней
в ее тоске земной?
Они горят миллионы лет,
быть может, потому,
Что о душе и речи нет
у спрятанных во тьму.

Но, может быть, во тьме ночной,
в сиянье неземном
Звезда б хотела быть душой,
омытой летним днем,
И в хладной вечности своей,
среди надмирной тьмы,
Раскрыв объятия для теней,
быть смертною, как мы [7, с.16].

В поэтическом мире Кушнера категории вечности и бессмертия тождественны и невоз-

можны без представления о быстротечности времени. Человеку отпущен «мотыльковый век», но он наполнен радостью приобщения к бесконечной прелести земного бытия. Поэт убежден, что «для вечности большего нет / Удовольствия, чем сохранить мотылька-однодневку», что «не канет ничто, не пройдет» [3, с. 76]. Этот закон сохранения в вечности всей той нетленной красоты, которая только и оправдывает созданный Творцом мир, является константой художественной системы Александра Кушнера.

Таким образом, можно утверждать, что кушнеровская модель вечности предполагает определенную синхронизацию временных потоков. В ней стираются границы между разными отрезками историко-культурного процесса, сохраняется коммуникативная функция разновременных объектов культуры, сосуществуют земная природа и бесконечность вселенского бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Б. Ф. Категория времени в русской поэзии XIX века / Б. Ф. Егоров // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С.160 – 172.
2. Казарин Ю. Часть вечности: о поэзии Александра Кушнера / Ю. Казарин // Урал. – 1012. – №4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ural/2012/4/k23.html>
3. Кушнер А. Дневные сны: Книга стихов / А. С. Кушнер. – Л. : Лениздат, 1986. – 87 с.
4. Кушнер А. Облака выбирают анапест / А. С. Кушнер. – М. : Мир Энциклопедий Аванта+; Астрель : Полиграфиздат, 2008. – 95 с.
5. Кушнер А. По эту сторону таинственной черты: Стихотворения, статьи о поэзии / А. С. Кушнер. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 544 с.
6. Кушнер А. Мелом и углем / А. С. Кушнер. – М. : Мир Энциклопедий Аванта+; Астрель : Полиграфиздат, 2010. – 127 с.
7. Кушнер А. С. Вечерний свет: Книга новых стихов / А. С. Кушнер. – СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 112 с.
8. Набоков В. В. Другие берега // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / В. В. Набоков. – Т.5. – СПб. : Симпозиум, 2000. – 832 с.
9. Смолина А. Н. Генезис представлений о времени и вечности в современной культуре. Перспективы социокультурного модели-

- рования / А. Н. Смолина. – Волгоград : Изд-во ЛГУ, 1985. – С. 187–198.
«ПринТерра», 2007. – 184 с. 11. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1986. – 544 с.
10. Сухих И. Н. «От жизни той, что бу- / 12. Фет А. А. Стихотворения /
шевала здесь...» Ф. И. Тютчева / И. Н. Сухих // А. А. Фет. – М. : Худож. лит., 1970. – 559 с.
Анализ одного стихотворения. – Л. : Изд-во